

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЗВЕЗДА

Наталья Осипова: Мечтаю найти своего хореографа

Прима-балерина Королевского балета Ковент-Гарден — о любви к танцу и бренности славы

Юлия Баталина

Наталью Осипову даже язвительная Татьяна Кузнецова, балетный обозреватель «Коммерсанта», называет звездой без всякой иронии и считает, что она — одна из четырех ныне живущих по-настоящему великих русских балерин. В Перми прима-балерина Королевского балета Ковент-Гарден дважды — 10 и 11 декабря — станцует партию Джульетты в балете Прокофьева «Ромео и Джульетта» в хореографии Кеннета Макмиллана, которую она, по мнению критиков, чувствует и исполняет, как никто в мире. Оказалось, что Наталья ещё и прекрасный собеседник, очень открытый и напрочь лишённый «звёздных» заморочек.

— В прошлый раз вы были в Перми в мае 2009 года, когда Большой театр привёз на фестиваль «Дягилевские сезоны» незабываемые балеты — «Русские сезоны» Алексея Ратманского и «В комнате наверху» Твайлы Тарп. А с чем связан ваш нынешний приезд?

— Один из моих самых любимых спектаклей — «Ромео и Джульетта», и именно в постановке Кеннета Макмиллана. Я его много танцевала, много над ним работала, с разными труппами — сначала в Нью-Йорке, потом в Лондоне, где я сейчас работаю, и в Ла Скала. У нас получился прекрасный дуэт с Дэвидом Холбергом, танцовщиком Американского балетного театра, одним из моих любимых партнёров. Недавно у него была травма, которая его вывела со сцены очень надолго — на два года. Сейчас Дэвид возвращается на сцену, и в начале сезона мы с ним говорили о том, что неплохо бы станцевать опять «Ромео и Джульетту» вместе.

Я начала искать, где это возможно сделать, и оказалось, что ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке — нигде в этом сезоне этот спектакль не идёт. Только в Пермском театре! Я об этом вспомнила, потому что в прошлом сезоне художественный руководитель пермского балета Алексей Мирошниченко приглашал меня станцевать с труппой в Петербурге на Dance Open, затем были планы танцевать это на гастролях в Лондоне... Тогда наши совместные планы не реализовались, но сейчас я об этом вспомнила и сама обратилась с просьбой об участии в спектакле. Алексей очень хорошо отреагировал, но, когда я предложила Дэвиду это сделать, он сказал, что ещё, к сожалению, не готов.

Тогда Алексей мне предложил станцевать с Никитой Четвериковым. Я видела его на конкурсе «Большой балет», и он мне очень понравился. Я вообще люблю новые партнёрства, люблю приезжать в новые труппы, встречать новых танцовщиков, учить и самой учиться. Это очень здорово, поэтому я с большой радостью приехала.

— В Перми довольно маленькая сцена. Как вы там уместитесь с вашими знаменитыми прыжками?

— Ну, в партии Джульетты ведь нет прыжков. Для меня это в первую очередь драматическая роль. У Макмиллана очень много красивых дуэтов, вообще, суть этого спектакля выражается в трёх прекрасных дуэтах — это его конёк как хореографа. Весь третий акт Джульетта стоит на сцене практически одна, она — центр притяжения, она держит на себе спектакль, она рассказывает эту трагическую историю. Я себя там чувствую абсолютно как драматическая актриса.

— Там есть знаменитая пауза, когда она просто сидит на кровати. Она должна быть неподвижной и при этом играть...

— Когда я взялась учить эту роль, для меня было очень странно: почему на самую сильную музыку она просто сидит и ничего не происходит? Я этого не понимала, потому что была воспитана на спектакле Лавровского, видела Галину Сергеевну Уланову, которая бежала под эту музыку — такой легендарный момент... А тут она просто сидит! Но потом, когда я работала с Алессандрой Ферри, которая репетировала с самим Макмилланом и считается лучшей исполнительницей этой партии за всю историю, она мне всё объяснила, и я поняла, что это один из самых важных моментов в спектакле. Именно в этот момент через её глаза мы видим её душу, которая проходит от отчаяния к огромной силе любви, и эта сила любви сможет преодолеть все препятствия. Духовно это один из самых сильных моментов в спектакле.

— У вас поразительно огромный жизненный и творческий опыт для столь молодой женщины. У вас были и тяжёлые травмы, и высшие профессиональные награды, вы сменили несколько стран, танцевали во всех главных театрах мира... Как вам удаётся справиться с такой ношей?

— Да, было много всего — и «Золотые маски», и Benois de la danse, все возмож-

ФОТО ПРЕСС-СЛУЖБА ПЕРМСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА

ные балетные награды... Это был первый период моей балетной жизни — до 30. Сейчас мне исполнилось 30 и я считаю, что начался второй этап моей карьеры. Тогда, в первые годы работы, я настолько любила балет и настолько фанатично ему была предана!.. Сейчас это уже не так. В моей жизни появились другие важные вещи, я уже иначе подхожу к репертуару, к выбору ролей... Но тогда, в 17–18 лет, когда я только пришла в театр, я была абсолютным фанатиком. Я грезилась только о том, чтобы танцевать, не выходила из зала до 12 часов ночи, и, если у меня что-то не получалось, я добивалась, чтобы получилось десять раз из десяти! Если движение получалось некрасивым, я должна была расшибиться, но придумать, как сделать его красивым! Меня ничто больше не интересовало, правда. Я этим жила, я это любила, я так переживала за каждую роль, что, наверное, это было самым главным в моей жизни.

Вот поэтому я не замечала успехов, для меня всегда это мимо проходило, и я себе говорила: «Ага, дали премию? А ведь мне дали новую партию, и сейчас все узнают, какая я плохая балерина!»

Когда я выпускалась из училища, я немножко не вписывалась в формат того, каким стал танец, потому что в тот момент как раз менялась эстетика: появились очень высокие балерины с потрясающими линиями, с подъёмами, с растяжками. Все мы знаем Сильви Гиллем, в Большом театре была потрясающая Светлана Захарова, которая привнесла новый стиль в исполнительское искусство... Я себя чувствовала очень

маленькой, у меня никогда не было идеальной балетной фигуры, я была неопытная, не знала, чем брать, как находить себя в этом искусстве. Поэтому к каждой партии я всегда подходила так, что знала изначально: это у меня не получится, мне это не подходит, я ужасная, какой кошмар... Но благодаря этому я научилась хорошо скрывать свои недостатки и подходить к роли с артистической точки зрения.

Я всегда думала, что если я не могу что-то сделать красиво, просто встать красиво, то я должна наполнить всё это содержанием, придумать какую-то такую историю, чтобы сделать это в два раза интереснее! Я в каждой партии искала что-то своё и делала всё абсолютно по-своему. Конечно, мне безумно повезло, что балетмейстером Большого театра был Алексей Ратманский, который в меня очень-очень поверил, сразу выдвинул на первый план и дал мне много премьер; что был репертуар, который мне очень подходил; что Ратманский что-то ставил специально на меня... Наверное, никому так в жизни не везло.

— В США вы переехали за Ратманским?

— Нет, я начала танцевать в Американском балетном театре как приглашённая артистка, а через год он принял приглашение и стал там главным балетмейстером. Я проработала там около пяти лет, а потом мне пришлось выбирать, потому что поступило предложение от Королевского балета, и я наконец-то решила где-то «устаканиться» и начать жить. Пришлось уйти из АБТ — тяжело на двух стульях сидеть.